

В копилку эксперта-лингвиста: идёт стремительный процесс возвращения к тоталитарному языку.

Словосочетание «атмосфера ненависти» от частого употребления превращается в журналистский штамп и теряет остроту. Но атмосфера в обществе от этого не меняется к лучшему. О том, что россияне становятся злыми и нетерпимыми и все чаще возникает ощущение «ползущего мракобесия», [заявил](#) Владимиру Путину на последнем заседании президентского Совета по правам человека журналист Станислав Кучер. Лингвисты отмечают, что накал агрессии можно увидеть не только в общественно-политических дискуссиях на федеральных телеканалах, но и в рутинных беседах и выступлениях чиновников. В их речи все чаще звучат кондовые выражения из репертуара советской пропаганды, образца 1930-1940-х годов с элементами 1970-х. В процессе лингвистической дегенерации чиновничьего языка разбиралась «Лента.ру».

Министр здравоохранения Иркутской области Олег Ярошенко в конце октября стал героем новостей почти всех центральных газет и телеканалов. Как писали в прессе, возвращаясь из командировки самолетом Москва — Иркутск, он проигнорировал просьбу о помощи. «После того как экипаж по громкой связи попросил подойти к пассажиру врачей, если таковые имеются на борту, министр не сдвинулся с места и, усевшись поудобнее, заснул», — [цитировали](#) СМИ слова очевидца.

Через четыре дня после инцидента Минздрав Иркутской области на своей официальной странице в Facebook [разместил](#) пространный комментарий на 23 446 знаков. (Для сравнения: этот текст чуть более 14 тысяч, а рассказ Антона Павловича Чехова «Смерть чиновника» — 4548 знаков.)

В ведомстве утверждают, что медийная активность вокруг министра — «масштабная и хорошо спланированная» акция. Причина — зависть оппонентов, которые недовольны высокими достижениями министра Ярошенко. Но авторы пресс-релиза успокаивают читателей, что исполнители этой грязи «вскрыты, оприлюднены, маски сорваны».

«В какой по счёту колонне идет вышеназванный господин? — вопрошают в пресс-службе иркутского Минздрава, имея в виду исполнителя-очернителя. — Из какой географической точки планеты он получает ценные указания, ведь те действия, которые он осуществляет, компетентными органами расцениваются как подрыв и угроза национальной безопасности?» Ни больше ни меньше!

Текст по накалу страстей созвучен с зажигательным монологом красного командира из кинофильма «Свой среди чужих, чужой среди своих»: «Ещё прячется по углам недобитый враг, ещё крадётся по тёмным закоулкам нашей революционной Родины чёрная измена, ещё появляются на её многострадальном теле змеиные укусы. Но мы всегда на страже!»

Кроме обличительных пресс-релизов, в соцсетях на странице регионального Минздрава встречаются три типа публикаций. Во-первых, о том, как медицина Иркутского региона хорошеет день ото дня и «с каждым годом становится всё доступнее». Во-вторых, назидательные отповеди журналистам, которые то и дело очерняют действительность, публикуя материалы об очередях в поликлиниках, дефиците врачей, перинатальной смертности. И наконец — благодарности от пациентов в стиле: «Спасибо, браво! Колоссальный, самоотверженный труд!»

Если в Иркутской области главным поставщиком «советского креатива» является Минздрав (несмотря на то, что местный губернатор Сергей Левченко — член КПРФ), во Владимирской области на цитаты «разбирают» главу региона Светлану Орлову. Недавно она [предложила](#) в «целях поддержания стабильной и контролируемой обстановки в образовательных учреждениях» фотографировать участников протестных митингов. А снимки — размещать в открытом доступе на

сайте esuismaidan.com. Это, по мнению Орловой, может помочь предотвратить вербовку молодежи оппозицией: «(...) На проверку оказывается, что молодежи можно сказать, что вам заплатят 10 тысяч евро, идите только поговорите и расскажите и так далее, — [печалится](#) чиновница. — Понимаете, а это всё раскачивание ситуации. Сильная-то Россия нужна только нам с вами, она же никому больше не нужна...»

Но если воззвания иркутских и владимирских идеологов излишне пафосны, то официальная речь практически всех других опытных чиновников — скучна до безобразия и никаких эмоций не вызывает. Разве что зевоту. «Мы ждём от граждан социальной активности, патриотических порывов, — [бубнит](#) губернатор Ставропольского края Владимир Владимиров. — Рассчитываем на то, что они поддержат всё, чего Россия добилась: безопасность, стабильность, развитие, уважение в мире».

Его коллега, глава Белгородской области Евгений Савченко в духе брежневских речей [обещает](#): «Первостепенную задачу на предстоящую пятилетку я вижу в том, чтобы нарастить и в полной мере реализовать творческие возможности нашего региона и за счет этого перевести область на новую матрицу не только экономического, социального, но и духовно-нравственного развития».

Нотку разнообразия в эту рутину вносят разве что идеологически не выдержанные цитаты молодых начальников из нового призыва. Многие считают такую манеру ведения беседы признаком необразованности. Другие же, напротив, умиляются. Даже такой жаргонно-уличный нестандарт вносит хоть какое-то разнообразие в одинаково причесанные чиновничьи ряды:

- Вернёт ли правительство Калининградской области компенсации за детский сад?
- Нет.
- Почему?
- По кочану.

Губернатор Калининградской области [Антон Алиханов](#).

«Герметичные, безликие и блеклые»

Как меняется официальная речь чиновников «Ленте.ру» рассказал доктор филологических наук, профессор, автор учебников по риторике и культуре речи Валерий Ефремов.

«Лента.ру»: Что сегодня происходит с публичной речью?

Ефремов: Как мне кажется, идёт стремительный процесс возвращения к тоталитарному языку. За некоторым исключением сегодняшней истеблишмент — это выходцы из советской эпохи. Именно тогда происходило становление их языковых личностей. Следовательно, с риторикой того времени они хорошо знакомы. Поэтому сейчас, когда демократические институты вернулись к своему чисто номинальному значению, они начали использовать привычную им с юности стилистику.

Но почему тогда молодые люди, никогда в СССР не жившие, также говорят по-советски?

Кто-то берёт риторiku, которую транслируют старшие коллеги. Но есть и другая сторона медали. Ещё лет десять назад на одной из всероссийских конференций я слушал доклад преподавателя, работающего в одном из региональных вузов. Он рассказывал, что да, в крупных городах, в столицах — возможно, язык изменился, стал более динамичным. А вот их местные газеты до сих пор пишут про «битву за урожай», «горячую пору страды», «тружеников села» и так далее. Иными

словами, советская стилистика в прессе за пределами крупных городов присутствовала всегда и такой и осталась.

Тоталитарный язык — это что?

В обычной жизни все понимают, что мир цветной, а не черно-белый. В тоталитарном языке всё ровно наоборот, всё четко, полутонов нет. Есть своё и чужое, враги и друзья. Классическим образцом здесь может служить «Толковый словарь русского языка» под редакцией Дмитрия Ушакова. Он очень идеологизирован. В «толкованиях» значений слов сразу чувствуется идеологическая тональность: «в дореволюционной России», «в буржуазно-аристократической среде». Такими вводками значения слов (а значит, и сами предметы, ими называемые!!!) чётко маркировались как чуждые новому, советскому человеку. Что касается последнего, буржуазия и аристократия — совершенно разные социальные страты, вряд ли есть явления, характеризующие и то, и другое одновременно. Однако перед автором стояла задача показать, что это всё не наше, не советское.

Это набор штампов или что-то большее?

Это стиль. И очень хорошо тоталитарный стиль показан в романе Джорджа Оруэлла «1984»: Министерство Правды — это на самом-то деле Министерство Лжи и Пропаганды, Министерство военных дел называется Министерством Мира. Такие перевёртыши — ещё одна черта этого тоталитарного языка. Все перечисленные элементы в речах современных российских чиновников присутствуют. В том числе агрессивная риторика. Почти открытым текстом нам изо дня в день говорят: кругом враги, нельзя терять бдительность, если и кажется, что идёт вполне мирная жизнь, нужно сплотиться и противостоять. А лучшая защита, как известно, — нападение. Зачем объяснять, что произошло, искать реальные причины, лучше назначить кого-нибудь врагом.

Свежий пример — телеведущий Владимир Соловьёв обвинил редактора радиостанции «Эхо Москвы» Алексея Венедиктова в травле журналистов ВГТРК. И это сразу после чудовищного нападения на журналистку «Эха Москвы» и после того, как в обществе вновь зашла речь о том, какой вклад телевизионная пропаганда вносит во всеобщую атмосферу ненависти. То есть психологически конструкция понятна: мы невинные и пушистые. Это они сами плохие.

Но ведь такие конструкции характерны и для иностранных политиков.

Безусловно, лингвисты говорят о том, что любой политический дискурс несёт в себе черты тоталитарного языка и не любит полутонов. Политикам постоянно всё хочется выкрасить либо в чёрное, либо в белое. Понятно, что риторика президента США Дональда Трампа тоже, мягко говоря, недемократичная. Взять хотя бы преследование меньшинств: национальных, религиозных или сексуальных. Однако там ситуацию спасает то, что в Америке очень сильны традиции другого, демократического, политического языка. Россия же этим похвастаться не может.

Многих российских политиков «разбирают» на цитаты.

Ярких — по пальцам пересчитать. После Брежнева с его речами по бумажкам и друг за другом умирающих генсеков неожиданно в публичном пространстве появился Горбачев: живой, настоящий, с ярко выраженными диалектными чертами, с индивидуальным, очень интересным речевым портретом.

В устных речах Ельцина также чувствовались диалектные, уже уральские элементы, были определенные проблемы с грамматикой и подбором слов, знаменитые слова-паразиты («понимашь»). Но он тоже был интересен. А начиная с 2000-х годов выступления главных лиц страны становятся всё более и более герметичными, безликими и блеклыми, грамматически

правильными и стерилизованными, опять же — в них появляется советская риторика. Политические речи становятся абсолютно однообразными.

А как же знаменитое «мочить в сортире»?

Отдельные фразы и слова Владимира Путина потому и запоминаются, что кругом — речевая серость. Я, например, слушая радио сегодня, не всегда сразу понимаю, кто из политиков говорит. У спикеров даже интонации похожи. А это неправильно. Любой политик, даже тот, кто просто представляет какую-то партию или общественную организацию, в принципе должен нести индивидуальность. Именно поэтому на Западе много диссертаций, посвященных риторике Блэра или Маргарет Тэтчер, Бушей или Обамы, например. В России с точки зрения политической риторики лингвистически исследовать некого.

«Близнецами» быть политически безопаснее?

Многообразие просто не востребовано. В Советском Союзе было достаточно газеты «Правда». Другие издания — существовали, но это были перепевы главного издания страны. Полагаю, сейчас мы возвращаемся к такому же усреднению. Политическая деланка вычищена, вместе с ней — и речевая. Где обычно оттачивают политическое риторическое мастерство? В разного рода дебатах.

Можно вспомнить, как бурно и повсеместно обсуждалась в США политическая кампания Клинтон и Трампа, как подробно и в деталях анализировались их программные выступления и речи. У нас в политических шоу на главных телеканалах выступают некие стародавние политические фигуры, которые задают общий тон, проводят «генеральную линию партии». Полемизировать не с кем, все друг с другом согласны.

Ещё лет пять-семь назад над пафосными конструкциями в речах чиновников смеялись. Сейчас воспринимают как должное. Почему?

Когда тебе из каждого утюга с утра до вечера транслируют почти исключительно ненависть и риторику войны, то большинство людей просто перестаёт осознавать, что это противоестественно. А другие просто публично перестают реагировать на тоталитарно-советские конструкции, замыкаются на близком круге друзей и знакомых, где, надеюсь, продолжают глумиться и веселиться над речами политиков.

Кстати, последняя история, связанная с рекомендацией Минобрнауки о запрете использования слова «презерватив» в ходе занятий, посвящённых профилактике ВИЧ, вновь развеселила общество и вновь его спровоцировала на море шуток! И это говорит о том, что не всё так уж и плохо, что люди ещё могут оценивать абсурдность речей чиновников.

Как возврат к тоталитарному языку может в целом сказаться на нашей речи?

Любой язык, как заметил лингвист Максим Кронгауз, с точки зрения его носителей всегда меняется только в худшую сторону. Никто и никогда не чувствовал себя современником расцветающего языка и культуры. Мне кажется, что у нас в скором будущем будут существовать две языковые плоскости: официальный, общественный язык и язык повседневной жизни.

Собственно, в СССР так и было. Я хорошо помню, как в советском детстве, если включаешь ближе к вечеру телевизор и видишь на экране Брежнева, то точно знаешь, что и мультики не покажут, и кино, скорее всего, отменят, потому что программа «Время» затянется до бесконечности. И это воспринималось как некая данность, как погода за окном — что тут поделать?

Какова роль российских чиновников в создании той самой атмосферы ненависти?

Мне не кажется, что они разжигают и увеличивают агрессию в обществе. Они перестали ответственно относиться к тому, что говорят, и уж точно не противостоят этой агрессии и ничего не хотят с нею делать. Они просто продолжение того, что есть в обществе. Безусловно, они видят по телевизору, в тех же «политических» шоу, что, двигаясь параллельно линии партии и правительства, можно говорить всё, что угодно, в адрес оппонентов. Это останется безнаказанным.

<https://lenta.ru/articles/2017/11/06/lexikon/>